

СЕМЬ ГРЕХОВ

Олег
ОВЧИННИКОВ

Олег Вячеславович Овчинников

Семь грехов радуги

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120987
Семь грехов радуги: Азбука-классика; Москва; 2004
ISBN 5-352-00808-8*

Аннотация

У радуги семь цветов. У человечества – семь смертных грехов. Тайная организация «Наглядное греховедение» устанавливает между ними взаимное соответствие. Простым московским обывателям предстоит на собственной шкуре испытать, что значит жить в мире, где никакое прегрешение и даже намерение к нему невозможно скрыть от окружающих, а все тайное мгновенно становится явным...

Содержание

ЦВЕТ НУЛЕВОЙ. ПОКА ЕСТЕСТВЕННЫЙ	4
ЦВЕТ СЕДЬМОЙ. ФИОЛЕТОВЫЙ	20
ЦВЕТ ШЕСТОЙ. СИНИЙ	45
И СНОВА СЕДЬМОЙ. ФИОЛЕТОВЫЙ	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Олег Овчинников

Семь грехов радуги

ЦВЕТ НУЛЕВОЙ. ПОКА ЕСТЕСТВЕННЫЙ

Места мы заняли в третьем ряду, вровень со сценой, которая возносилась над зрительным залом метра на полтора. Сядь мы ближе, пришлось бы постоянно задирать голову, чтобы уследить за действием. Впрочем, пока следить не за чем. Сцена пуста, музыканты ушли и унесли с собой инструменты. Только барабанщик доверчиво оставил без присмотра свою ударную установку, понадеялся, должно быть, что никто не покусится на нее в силу малой транспортабельности. Пустые микрофонные стойки изогнулись журавлями, глубоким поклоном провожая покинувших зал зрителей. Пара опрокинутых колонок валялась на исшарканном полу, значит, концерт удался.

Вот только меня на нем не было.

Маришка предусмотрительно села рядом с проходом, чтобы «спрыснуть по-тихому, если что». Я опустился слева, а место по другую сторону от меня уже занимал какой-то средней выбритости тип в болотного цвета джинсах и черной ко-

жаной куртке. При нашем приближении тип ничего не сказал, но покосился на нас так, что я невольно спросил:

– Не занято?

Вопрос прозвучал глупо. Зал был практически пуст и казался вымершим.

– Нет, – ответил тип и положил руки на сумку, которую держал на коленях. – Вакантно.

– Начну храпеть – толкни в бок, – шепнула Маришка. – Только нежно.

– А если начнется что-нибудь интересное? – спрашиваю.

– Толкни два раза. Хотя не думаю...

Она откинулась на спинку, вытянув ноги под сиденье впереди стоящего кресла.

Умеют же некоторые везде устроиться с максимальным комфортом! Уютный дом – под каждым кустом!

Через пару минут после нас подошли двое. Затем оказался еще один – щупленький мужичок среднего возраста, все остальное – рост, телосложение – ниже среднего, на носу – очки. Типичный «интель».

Тип, сидящий слева, каждого вновь пришедшего встречал одинаково недобрым взглядом и провожал до места посадки. Так сопровождает самолеты служба наземного наблюдения. В нелетную погоду.

Когда в зале появилась немолодая женщина с двумя тяжелыми бесформенными пакетами в руках, у типа вырвалось чуть слышное:

– Господи! Сколько же идиотов вокруг!

Сказано было шепотом, практически про себя, но я услышал. И потому спросил:

– Вы кого имеете в виду?

Тип обернулся и уставился на меня. Серые глаза прищурены, закушен вислый левый ус.

– Не волнуйтесь, не вас, – успокоил. – Вам, похоже, просто спать негде. – Кивнул в сторону Маришки. – Я про тех, кто приходит в такие места сознательно. Кто сам обманываться рад... – Подумав, добавил: – Копирайт – Пушкин.

– Уверены, что сознательно? – спрашиваю. – Может, они тоже забрели сюда случайно?

– Если бы! Некоторые здесь явно не по первому разу. Взгляните вон на тех пигалиц!

Я взглянул. В том же ряду, что и мы, только через проход о чем-то ворковали две девушки допризывного возраста или, как их называет Маришка, teen-ки. «Затянуло бурой teen-кой...» Каждая держала перед собой по пудренице или румянице и, вперившись в маленькое зеркальце, то ли перемигивалась с подругой, то ли рассматривала пространство зала за своей спиной. Обе teen-ки чувствовали себя вполне уютно. Как дома.

– Пудреницы для мозгов! – высказался сосед. – Правда, таких немного. Видимо, организация из новых. По крайней мере я о ней раньше не слышал.

– А вы в таком случае что здесь делаете? – интересуюсь.

Тип перестал жевать ус, расправил пальцами.

– Материал собираю. О тоталитарных сектах.

– Для диссертации?

– Для романа.

Я посмотрел на собеседника с несколько большим интересом. Вот они какие, оказывается.

– Инженер душ человеческих? – спрашиваю.

– Скорее, санитар.

Лаконичность его ответов слегка раздражала. Должно быть, рядом со мной сидел настоящий мастер диалога. Пришлось задать банальный вопрос:

– От чего лечить собираетесь?

– Как обычно. От глупости. Тупости. Ханжества.

– Чванства, – сладко зевнув, произнесла Маришка, не отрывая глаз.

– Что? – не понял писатель.

– Я спросила, много ли у вас книжек.

– Вообще-то не очень. – Писатель, поколебавшись, растегнул сумочку на коленях, с заметным усилием извлек толстую пачку переплетенных распечатанных на принтере листов. На вид – вдвое больше сумочки и в полкило весом. – Вот. Сегодня из издательства вернули.

На титульном листе крупно выведено начало заглавия «Обреченный на...», остальное скрыто рукой писателя. Вторая «н» в слове «обреченный» вписана красной шариковой ручкой.

– Велели исправить и дополнить? – спрашиваю.

Писатель пожал плечом.

– Просто вернули.

– А другие – нормальные книжки у вас есть? – не слишком тактично поинтересовалась Маришка.

– Пока нет.

Маришка потянулась, простирая руки далеко за голову, а ноги устремляя еще дальше, чуть ли не до сидений первого ряда. Конечно, станет она спать, когда рядом есть кто-то, кого можно безбоязненно поставить на место. Совершенно безбоязненно. В моем понимании писатель – человек смирный, если и закатает кого в асфальт, то только в собственном воображении.

– Тогда вы не писатель, – Маришка мило улыбается. – Вы – рукописец!

– Писатель – тот, кто пишет, а не тот, кто издается. – Мой сосед снова закусывает ус. По виду его неясно, задет он или просто голоден.

– Вы открываете мне глаза! – Зеленые глаза и вправду широко распахиваются. Ресницы наивно трепещут. – Выходит, до сих пор я читала кого-то не того. Вероятно, издателей.

Я криво усмехнулся – обращенная к соседу половина лица осталась бесстрастной.

Писатель, промучавшись с минуту, убрал непризнанный шедевр в сумочку и стал снимать куртку. Причем так неспешно и вертляво – и конечно же нарочно! – что я успел

разглядеть показавшуюся из-под нее темно-синюю толстовку во всех подробностях: и надпись «Русская фантастика» на левой груди, и напыленную белой краской картинку во всю спину. На ней землянин и инопланетянин, оба в скафандрах, дружелюбно улыбаясь, пожимали друг другу руки. Правда, инопланетянина я сначала ошибочно принял за негра. Или, как их называет Маришка, когда ей доверяют читать новости, «представителя темнокожего населения планеты». Слишком уж рожки на голове пришельца напоминали завитые солнечными лучами кудряшки.

Фантастику я, в принципе, уважаю. Поэтому, когда писатель закончил демонстрацию весенней одежды и сел, я примирительно спросил:

– А вы уверены, что то, куда нас пригласили – тоталитарная секта?

– Абсолютно. В Москве других нет, – авторитетно подтвердил он. – Полный контроль над членами организации, иерархическая система подчинения, замкнутость в рамках своей идеи – вот основные признаки тоталитарной секты. Они не бросаются в глаза, старательно маскируются, но всегда присутствуют. Плюс чисто русский, привнесенный колорит. – Он скривился. – Заставь дурака Кришне молиться – так он и харю об раму расшибет. Так что будьте предельно осторожны, выход из этой системы стоит гораздо дороже, чем вход.

– Ну, вход-то был бесплатным, – пытаюсь шутить.

Однако, уверенность, прозвучавшая в голосе писателя, слегка настораживает.

– Това'ищи, будьте бдительны! – грассирует на ухо Маришка. – Политические п'оститутки п'еследуют нас! Пользуйтесь п'езервативами «К'асный п'олета'ий»!

Говорят, когда она в эфире начинает изображать вождя мировой революции, продюсер ее программы в истерике бьется головой о пульт.

Душевный покой восстанавливается мгновенно. Как кислотно-щелочной баланс после приема «Орбита». С первого укуса! В самом деле, чем мы рискуем? Не понравится – встанем, оденемся и уйдем.

– Нап'асно и'онизи'уете, – передразнивает писатель. Тоже, кстати, весьма похоже. – Вы просто никогда не видели, как они людей зомбируют.

– Как телепузики? – восхищается Маришка.

– Что телепузики? – Все-таки наш собеседник сбит с толку.

– Ну, они же зомбируют детей. – Маришка щелкает меня по носу. Писклявит: – Привет, Тинки-Винки!

– Пока, Ляля! – отвечаю в тон.

– Тинки, а чего это ты такой фиолетовый?

– Чернил перебрал, – отвечаю и самоустраняюсь.

В буквальном смысле. Оставляю предостерегающего о чем-то писателя и невинно дурачащуюся Маришку одних, а сам уплываю куда-то вслед за ускользающей мыслью. Погру-

жаюсь в себя.

Интересно, почему не начинается представление?

Зал между тем вяло заполняют новые зрители – по одному, максимум по двое. Они сначала одинаково неуверенно топчутся у входа, затем, решившись, занимают места поближе к выходу и друг к другу – как воробьи, сбивающиеся в тесную стайку на мокрой после дождя ветке. Едва усевшись, тут же начинают крутить головами, надеясь обнаружить знакомых. И естественно не обнаруживают. Потому что если человек в ответ на какой-нибудь идиотский вопрос, например, «Верите ли вы в Бога?», заданный на улице или в переходе метро, не посылает спросившего, положим, к черту, а приходит на назначенную встречу, то он страдает либо от одиночества, либо головой...

Либо просто не в ногу со всей страной перевел часы вместо летнего на зимнее время. В итоге на трехчасовой концерт любимого исполнителя безнадежно опоздал, а до того, который случится в семь, ждать еще почти два часа, и теперь он не знает, чем себя занять. Вернее, не он, а они.

А все Маришка! Говорил ей еще утром: кажется, летнее – это когда на час вперед. А она: да ну его, крути назад, дай человеку раз в жизни выспаться!

Все у нее «раз в жизни»! Кроме месячных. Впрочем, после ночного эфира ее легко понять.

Страннее другое: почему мы с Маришкой в конце концов оказались здесь, а не в соседней бильярдной?

Должно быть, дело тут в личности человека, пригласившего нас на встречу, слишком уж она была нетипичной.

Он отловил нас у входа в билетные кассы, куда мы спешили уже чисто по инерции, прекрасно понимая, что простым вращением часовой стрелки не повернуть время вспять. Преградил путь, привлек к себе внимание, сказав:

– Нэээ...

Он не был похож на агента-распространителя торговой фирмы с гипертрофированной улыбкой поперек лица, спешащего осчастливить вас известием, что по случаю весеннего помутнения мозгов у их менеджера вы можете сегодня приобрести то, что еще вчера вам было даром не нужно, с 70-ти процентной скидкой. Тем более не походил он на солидного дядечку с дипломатом и значком из серии «Хочешь... – спроси...» на отвороте плаща, приглашающего на собрание MLM-тусовки. И на бледного, но с горящим взором, адепта новой русской церкви с американским спонсором и гимнами на двух языках.

Непричесанный, небритый, неопрятно одетый. Кажется, еще и нерусский. Больше всего, если честно, он был похож на бомжа. В ранней стадии запущенности. Не безнадёжного.

Именно таких охотнее всего забирают в милицию. Раньше вроде бы не за что. Позже – неохота руки марать.

– Хотите открытку? – спросил он и помотал головой. – Нэээ... Календарик. Полезно всегда знать день.

– Извините, мы опаздываем, – сказала Маришка, а я по-

пытался, не вступая в контакт, обойти странного типа стороной.

– Знать день, – раздраженно повторил он, и не думая уступать нам дорогу. – Или месяц. Февраль или... Нэээ... Ноябрь. Чтобы не путать.

– Денег нет, – отрезал я. А поскольку не люблю говорить неправду кому бы то ни было без крайней необходимости, уточнил: – Лишних.

– Денег нет? – эхом отозвался он и неожиданно обрадовался. – Нет денег – хорошо! Не надо... Вот!

Тип сбросил на землю большой серый мешок, который до того болтался у него на плече. Нагнулся и опустил лицо в раскрытую горловину, высматривая нечто.

– Пора! – шепнула Маришка и дернула меня за локоть, увлекая в сторону, подальше от странного субъекта с его подозрительным мешком. Но тип уже вынырнул из мешка и крепко ухватил меня за другой локоть, вынуждая остановиться.

– Возьмите! – сказал он. – Я нашел. Можно брать.

И протягивает мне руку. Грязные, с давно не стриженными ногтями пальцы заметно дрожат. В пальцах – прямоугольная бумажная полоска, слава Богу, чистая и очень яркая. Никакого рисунка нет, просто вся полоска равномерно закрашена разными цветами, границы между ними размыты, один цвет плавно перетекает в другой. Мы называем такую закрашку градиентной. Внутри каждого одноцветного

сегмента вписано какое-то слово, но мелкие буквы на подрагивающем листочке не разглядеть.

– Календарик? – удивляется Маришка. – Больше похоже на закладку.

– Закладка, так, – серьезно кивает тип. Неуклюже, одной рукой, чтобы не выпустить мой локоть, переворачивает полосу на ладони. Та трепещет и полощется на ветру, того и гляди улетит. – А так – календарик. Двое вместе. Нэээ... Двойная польза.

– За те же деньги? – с подозрением интересуюсь.

– Деньги... – говорит тип и морщится, как от лимона, чуть ли не плюется, так что мы с Маришкой понимаем, что деньги – вздор, деньги – мусор, не в них счастье.

– Возьми, – советует Маришка. – Быстрее будет.

Я покорно беру бумажную полоску веселенькой расцветки из рук субъекта. Вернее, пытаюсь взять, но тот неожиданно не отдает, держит.

– А вы придете? – спрашивает с надеждой.

– Куда еще?

– Туда, – указывает одними бровями, так что направление понять невозможно. – Там вам нравится. Будет.

– Где там? – раздражаюсь.

– Здесь, прямо здесь... Направо потом. По лестнице. Там вход.

Из бормотаний назойливого типа, его невнятных телодвижений и выразительной мимики я понимаю, что направить

нас он пытается напрямик в малый концертный зал. То есть туда, куда мы и без него добрались бы, только на пару часов позже.

– Давай сходим, – предлагает Маришка. – Выспимся заодно.

Я наконец соглашаюсь, и ценный приз, календарик-закладка переходит ко мне.

– Сейчас, – говорю. – Только билеты куплю.

Пропускать второй концерт за день как-то не хочется.

Незнакомец, ошарашенный, радостно пропускает нас в кассы, чуть ли не кланяется, когда мы проходим мимо.

– Вам нравится... Будет, – доносится сзади. – Обязательно. Нэээ... Скоро.

Когда мы пять минут спустя, купив билеты, снова оказались на улице, его уже нигде не было. Только большой серый мешок лежал у самого входа рядом с урной, в том месте, где его бросил незнакомец.

– Сюрный типчик, – прокомментировала Маришка. – Жалко его. Не с его внешностью и знанием языка наниматься в зазывалы. Не придет же никто.

– Не скажи, – возражаю. – Может, на жалость и был расчет. Мы-то с тобой уже идем.

– Ты серьезно? – Маришка недоверчиво вскинула брови. – Ну-ка, дай посмотреть!

Ловко выхватила закладку-календарик, который я все еще сжимал в руке вперемешку с билетами, перевернула закла-

дочной стороной вверх, поднесла к лицу.

– Убийство, воровство, прелюбодеяние... – нахмурившись, прочитала она. – Надеюсь, это не программа вечера?

За этими воспоминаниями я, честно признаться, совершенно перестал слушать писателя.

Вот так со мной всегда! Недаром Маришка говорит, что мы – идеальная пара. Одну хлебом не корми, и маслом тоже не корми, и даже медом не корми, дай только потрепаться ни о чем хотя бы полчаса, другой как уйдет в себя – так с концами, даже записки не оставит, когда ждать обратно.

Хорошо, что писатель, кажется, не заметил моей отлучки.

– Или вот, к примеру, секта мунитов, – увлеченно вещал он. – Не мОнитов, у которых на груди тату – портрет Моны Лизы дель Джокондо в фас и в профиль с надписью «Wanted!», а мУнитов, – промычал выразительно, – через «у». Но не тех, которые с двумя «н», мунниты-лунопоклонники, их еще в 97-м разогнали. Эти с одной, последователи Великого Отца Сан Мен Муна. Те, что ратуют за супружескую верность. Ну, вы могли их видеть. Подходят обычно парами, юноша и девушка, и спрашивают, как вы относитесь к добрачным связям. Если ответишь правильно, дают конфетку.

Окончательно выхожу из прострации.

– И как надо отвечать? – спрашиваю.

Любопытно же!

– Никак, – писатель заметно тушует. – Никак не отно-

шусь. В смысле, плохо.

— Кстати, — дышит в ухо Маришка, — а ты как относишься к добрачным связям?

— Никак, — признаюсь со вздохом. — С тех пор, как женился на тебе — никак.

— Умница! Вернемся домой — получишь конфетку, — шепчет она, затем обращается к писателю: — Что-то не страшно у вас получается. Что плохого в отказе от добрачных связей? А в супружеской верности?

— Ничего, — соглашается писатель и даже кивает, но изгиб усов у него при этом такой саркастический, что становится ясно: продолжение следует... — На первый взгляд, ничего. Это потом выясняется, что любовь, ту которая до гроба, член секты должен искать внутри секты, все контакты с посторонними пресекаются. И даже не искать, она сама его найдет: духовный наставник укажет ему его вторую половину, когда придет время. А время придет не быстро. Даже назначенная пара не сразу начинает жить вместе, сначала будущие муж и жена отправляются в разные концы света миссионерствовать, вербовать новых членов секты. Лишь через три года они могут вернуться домой и счастливо воссоединиться. Только предварительно духовный наставник произведет над невестой несложный обряд инициации.

— То есть?.. — уточняю.

— Дефлорирует, — кривя губы, роняет писатель. — Поскольку благодать, первоисточником которой является преподоб-

ный Мун, передается от человека к человеку исключительно половым путем.

– Обесцвечивает, – глядя в сторону, бормочет Маришка.

– В смысле?

Писатель с интересом перегибается через подлокотник.

– Три дня назад в эфире я дала слушателям задание. Придумать русский эквивалент термина «дефлорация». Самой распространенной версией стало «обесцвечивание». Срывание цветка. Хотя мне лично больше нравится «обесцеливание». – Через паузу – пояснение: – Цель-то в жизни как-то теряется.

– Вы на радио работаете?

– Ага, на Новом. Марина Циничная, «Ночные бдения».

– Приятно... – сказал писатель, однако ответного представления не последовало.

Маришка склонила голову мне на плечо. Даже с ее фамилией иногда не сразу удастся примириться с цинизмом окружающей реальности. Признаться, меня тоже слегка покорило описание брачных ритуалов мунитов. Если, конечно, писатель не наврал. У него это должно быть профессиональное. Ф-ф-фантаст!

Маришка оправилась первой. У нее это тоже профессиональное. Ночному диджею и не такое приходится выслушивать в прямом эфире.

– Хорошо хоть, тебя мне никто не назначал.

Заглядывает в глаза снизу вверх и гладит ладошкой мое

колени.

– С ума сошла? – бормочу и оглядываюсь по сторонам. Народу прибыло, пора бы и начинать. – Мы же в церкви.

– Не в церкви, а в секте, – поправляет Маришка. – Черные мессы, жертвоприношения, кровь невинных девственниц... – Мечтательно закатывает глаза. И неожиданно восклицает: – Ого! Вот это по-о-опик!

Взгляд ее при этом направлен на сцену.

Я оборачиваюсь в ту же сторону и думаю: вот уж воистину!

ЦВЕТ СЕДЬМОЙ. ФИОЛЕТОВЫЙ

Вот только почему попик? Не в клубке и рясе – в пиджачке и жилеточке – то и другое не застегнуто. Да и не смогли бы они застегнуться на выпуклом и округлом, как у беременной географички, животе! Под жилеточкой – белая сорочка и бабочка. Классический типаж оперного исполнителя нарушают лишь кроссовки на ногах, синие, с тремя белыми полосками.

Насколько я смог разглядеть, даже креста на нем не было. По крайней мере, навывпуск. В общем, ничего поповского. Разве что лицо...

Вошедший, беззвучно и поразительно легко для своей комплекции ступая мягкими подошвами, приблизился к краю сцены, отставил в сторону микрофонную стойку, и над залом поплыл солидный баритонистый рокоток. Такому микрофон только помешал бы.

«Добрый самаритянин!» – невольно подумалось.

Таким я его и запомнил. Имя-отчество, которым он представился, немедленно вылетело из головы.

Так вот, о лице... Кудри до плеч, окладистая борода и большие выразительные глаза – хоть сейчас пиши с него икону. Жаль, не умею я, только иконки к программам. Но они 16 на 16 точек, всей доброты лица не передашь. Доброты и раздобрелости.

После представления и приветствия – здоровался он протяжно и широко улыбаясь, как Дед Мороз, – самаритянин сказал:

– Как вы уже, должно быть, знаете, то, чем мы здесь занимаемся, называется цвето-дифференцированной эсхатологией.

– Теперь понятно, почему их в Центральный Дом Энергетика пустили, – немедленно прокомментировал в левое ухо писатель. – Аббревиатуры совпадают.

– Только, ради Бога, не перегружайте голову терминологией! – еще шире улыбнулся самаритянин. – То же самое, выражаясь русским языком, можно назвать просто: наглядное греховедение.

– Ненаглядное мое греховеедение, – пропела тихонько в правое ухо Маришка.

Я попытался отрешиться от нашептываний неугомонных соседей и сосредоточиться на том, что там все-таки говорит самаритянин. Говорил же он следующее:

– Ну, тему наглядности мы прибережем на десерт, а пока поговорим о грехах. И заповедях. Вот, скажите... – Большие глаза немного сощурились, оглядывая зрительный зал. – Может кто-нибудь из вас назвать десять библейских заповедей?

– Не убий! – негромко воззвал со своего места «интель» в седьмом ряду.

– Не укради! – откликнулся кто-то сзади.

– Не возжелай... – неуверенно парировал интель.

Происходящее начинало напоминать аукционные торги.

– Чего? – насмешливо спросил самаритянин. – Чего не возжелай?

Интель опустил очки долу, припоминая.

– По правде сказать, уже неплохо, – похвалил самаритянин. – Обычно вспоминают еще «не прелюбодействуй» и на этом, глупо хихикая, замолкают. – Две пигалицы через проход от нас послушно захихикали. Самаритянин с доброй улыбкой посмотрел в их сторону. Под его взглядом пигалицы сразу притихли. – Хотя на самом деле смешного мало. Каждому из вас в той или иной степени знаком текст десяти заповедей, кто-то слышал краем уха, кто-то читал вполглаза, но вспомнить их сейчас, все десять, не сможет, наверное, никто.

В это время слева от меня раздалось нарочито-негромкое:

– Не лги! Вернее, не лжесвидетельствуй. А также Бог един и не сотвори себе кумира, кроме Бога, имя которого не поминай всуе. Почитай отца с матерью и день субботний. То есть, в российском варианте, учитывая, что неделя начинается у нас на день позже, чем во всем мире, воскресный.

Писатель перечислял заповеди монотонно, глядя в пол. С моего места было видно как он один за другим загибает пальцы.

– Ученый малый! – похвалил самаритянин, изгибом бровей выражая приятное удивление. – Но педант...

Руки, на которых кончились пальцы, сжались в кулаки.

– Копирайт – Пушкин! – процедил со злостью мой сосед и на некоторое время умолк.

– Так вот, за редким исключением, – самаритянин шутилым поклоном выделил писателя из неплотной массы зрителей, – никто из здесь присутствующих не в состоянии вспомнить все десять заповедей. Что уж тогда говорить об их соблюдении... – Вздохнул тяжело, придавив бабочку оперного певца подбородком. – То же самое со смертными грехами, хотя их всего-то семь. Ну, похоть, ну алчность, а что дальше?

Повисла пауза. Некоторые сосредоточенно пытались вспомнить. Писатель просто молчал. С вызовом.

– Чванство? – робко предположила Маришка.

– Вот-вот, – рассмеявшись, покачал головой самаритянин. – Оно же гордыня. Кроме того – это вам для общего развития – к грехам отнесены чревоугодие, леность, ярость и зависть. – Он помолчал, испытующе разглядывая зрителей. – Запомнили?

Зал прореагировал нестройно и неоднозначно.

– А теперь забудьте! – блеснув белозубо, разрешил самаритянин и подмигнул по очереди одним и другим глазом. Вид у него при этом стал заговорщицкий. – Все забудьте. И заповеди, которые как приняли две тысячи лет назад в первом чтении, так с тех пор и не пересматривали. И грехи, которые непонятно кто и за что назвал смертными. Было, конечно, в притчах Соломоновых упоминание о семи человеческих пороках, которые ему лично, Соломону то есть, глу-

боко несимпатичны. Но придавать им статус смертных грехов – это, мягко говоря, чересчур. А поговорим мы с вами лучше о семи смертных заповедях.

Писатель присвистнул и заметил, изображая восхищение:
– Unbelievable!

Самаритянин сделал шаг к покинутой хозяином ударной установке, подобрал с пола барабанную палочку и наотмашь ударил по тарелке. От медного звона заложило ухо.

Самаритянин, вежливо улыбаясь, попросил уважаемых слушателей соблюдать тишину, пожалуйста. Затем продолжил:

– Да, да, я не оговорился, а вы не ослышались. Семи смертных заповедях. Почему семи? – спросите. А потому что мозг человеческий так устроен, что любую систему больше чем из семи элементов воспринимает с трудом. Это вам любой психолог подтвердит. Спросите: в таком случае, почему смертных? А потому, что каждая из заповедей такой безусловный и общезначимый закон определяет, что тому, кто ее нарушит – смерть! Ну, или что похуже... И грех в таком случае остается всего один – нарушение заповеди. Любой! Потому что заповеди у нас будут отборные – буквально! – из библейских заветов, из статей уголовных и прочих категорических императивов отобранные. Кто же будет отбором этим заведовать? – в третий раз спросите вы меня...

Самаритянин ободряюще улыбнулся в зал, как бы призывая кого-нибудь задать вопрос вслух. Зал пришибленно мол-

чал. Я ковырял мизинцем ухо, изгоняя из черепа отголоски «ударной волны».

– Да мы же с вами и будем, – сам себе ответил самаритянин. И дальнейшее выступление повел в той же вопрос-ответной манере, не ожидая уже от зала ни помощи, ни провокаций. – Скажем, убийство – грех? – Насупил брови и кивнул. – Конечно! Бесспорный грех. Причем виновным в убийстве мы признаем кого? Того, кто курок спускал? Или того, кто заказ сделал? Или того, кто знал, да смолчал? А?

– Действием или бездействием, – мазнув взглядом потолок, чуть слышно произнес писатель. – Как это свежо!

– Это я к тому, что сами заповеди за две тысячи лет не то чтобы совсем устарели, но в легком пересмотре нуждаются. Вот, скажите мне, кревоугодие – грех? Или наследие голодного прошлого? Оттуда же и посты. Не те, что на дорогах, голодные посты. Нечем было мужику кормиться весной: старое подъели, нового урожая еще ждать и ждать – вот и выдумали пост богоугодный. Очищение организма голоданием. В то время как настоящее очищение – запомните это! – достигается только покаянием. Искренним покаянием и прощением. Судите сами! Тот, кто ест без меры, делает этим плохо только себе. Если, конечно, пищу не у голодных детей отбирает, но это уже другой коленкор. Так что ж, каждый, кто поесть любит уже и грешник? Или как? Значит, убийство записываем, а кревоугодие долой, – подвел промежуточный итог самаритянин и возложил руки на свое неслабое, в сущ-

ности, чрево. – Кто согласен, прошу проголосовать.

Руки некоторых зрителей послушно потянулись к потолку. Я лично воздержался. Маришка опять вытянула ноги к самой сцене и закрыла глаза. Но, кажется, слушала внимательно.

– Принято! – возвестил самаритянин и утвердил решение символическим ударом в большой барабан, чем усилил собственное сходство с аукционистом.

– Пойдем дальше... Кто-нибудь знает, как соединить в одно грех лености и заповедь «почитай отца твоего и мать твою»?

Вопрос был задан таким тоном, каким охотник на сцене ТЮЗа спрашивает восторженную малышню: «Дети! Куда побежал волк? Туда? Или туда?» Чувствовалась во всей этой игре какая-то фальшь. Мне сразу стало неинтересно.

Я и в детстве, кстати сказать, волка ни разу не заложил.

– Ревизионист бородатый! – выругался вполголоса писатель, интимно пристраивая локоть на подлокотник моего кресла. Хотя сам в последний раз брился, наверное, с неделю назад. Во взгляде, направленном на выступающего, читалось недвусмысленное «За педанта ответишь!»

Я перестал вслушиваться в рокоток самаритянина и переключил внимание на писателя. Он был мне все-таки ближе. Конечно, не как Маришка, прислонившая голову к моему плечу, но тем не менее.

– Вы заметили, как от фразы к фразе упрощается его

речь? – проникает в ухо шепоток писателя. – Специалист! Увидел, что не много в зале интеллектуалов и мягко подстроился под средний уровень. А как он отождествляет себя с аудиторией? Все эти «мы», «наш»... Мы новый... Завет составим хором... И как настойчиво вовлекает в дискуссию, создает иллюзию интерактивности. А жестикуляция... язык тела... и тембр голоса – это же НЛП в чистом виде!

– Эээ... Неопознанная летающая тарелка? – выдвигаю предположение. – Или нелинейное программирование?

– Нейролингвистическое, – поправляет писатель без улыбки.

– Вот на чем я еще не программировал! – задумчиво изрекаю после короткой паузы.

– Вы программист? – он морщит лоб.

– Программисты – в Микрософте, – отвечаю. – Я – веб-дизайнер.

– Тогда обратите внимание на костюм. Думаете, эти кроссовки – проста?

Вопрос повергает меня в легкий шок. На мой взгляд, современный писатель должен быть в курсе, что веб-дизайнеры не занимаются моделированием одежды.

– И глаза... – продолжает он, не замечая моей растерянности. – Если вы легко гипнотабельны, лучше не смотреть в глаза. Даже не слушать. И вообще... Лучше бы вам не появляться на подобных сборищах. Но раз уж пришли... Рекомендую соблюдать некоторые правила. Если попросят в кон-

це заполнить маленькую анкетку – откажитесь. Ни в коем случае не оставляйте своих координат – ни телефона, ни тем более адреса. Не называйте имен, иначе вас вычислят мгновенно. И... О! Вот еще! Обратите внимание...

Я обратил. По боковым проходам, улыбаясь как проводницы вагона-люкс, вкрадчивой походкой двигались две женщины с большими пластиковыми подносами. На подносах в крошечных граненых стаканчиках плескалось что-то красное и, судя по мелким капелькам на стекле, охлажденное. Должно быть, сок или вино. Если вино, то скорее всего кагор. Пересмотр пересмотром, но ведь и для отпетого ревизиониста должно быть что-то святое!

Немедленно захотелось пить. Но санитар человеческих душ, конечно же, не преминул все испортить.

– Самое главное правило – чем бы вас ни пытались угостить, ничего не пейте и не ешьте! – Он зашептал громче, наверное, чтобы предупредить о возможной опасности не только меня, но и мою вторую половинку. – Едва ли вам, как в начале девяностых, напрямую предложат проглотить пару таблеток во славу нового бога. Но капнуть в сок пару капель психотропного могут запросто. Или даже не психотропного, а просто... Те же муниты подмешивают в свои напитки не буду говорить, что, только потом каждый причастившийся считается кровным родственником преподобного Муна. Напитки эти в самую жару раздают на улице всем желающим. Бесплатно, естественно. Кстати, тем же самым соста-

вом, так называемым «священным вином» они опрыскивают свои конфеты. Так что не рискуйте!

Повторив предостережение, писатель вынужденно замолчал, потому что одна из женщин как раз поравнялась с нашим рядом. Остановилась ступенькой ниже, чуть наклонившись, протянула поднос, любезной улыбкой приглашая нас угощаться.

«У каждого свои семь заповедей» – с иронией подумал я о писателе. Но от предложенного стаканчика все-таки отказался. Не то чтобы от страха или брезгливости, просто пить внезапно расхотелось.

Зато Маришка перестала изображать спящую красавицу и обеими руками потянулась за напитком. Из чувства противоречия.

– Ты не будешь? – обернулась ко мне. – Тогда можно я за него возьму?

Разносчица молча кивнула. Наверное, опасалась проронить словечко в то время как ее духовный наставник произносит со сцены:

– ...ни вола его, ни осла, ни прочего транспортного средства, включая полноприводные иномарки...

Мило улыбаясь женщине с подносом, Маришка один за другим осушила оба стаканчика.

– Нормальный чай, – беззаботно заметила она, когда женщина удалилась опаивать верхние ряды. – Только холодный и красный. Каркадэ, гибискус или суданская роза. И ничего

психотропного. Даже сахара не положили!

Писатель посмотрел на нее с немым укором. Если бы он еще покрутил пальцем у виска, я бы его... не то чтобы побил, но мое отношение к русской фантастике в целом охладело бы изрядно.

Он больше ничего не сказал. Зачем, если никто не внимает с почтением его мудрым советам?

Слушать, как адаптируют «Ветхий Завет» для новых русских мне тоже порядком наскучило. Хотелось встать, громко хлопнув напружиненным сиденьем кресла, и демонстративно покинуть помещение. Но я остался – из-за Маришки: похоже, ей все это было интересно. Правда, снова ушел в себя, и только вздрагивал иногда, когда проповедник барабанным боем увековечивал на невидимых скрижалях очередную заповедь.

Чтобы доказать самому себе, что еще не окончательно опустился до уровня веб-дизайнера, вспомнить, так сказать, славное сертифицированное прошлое, стал в уме составлять программку, которая распечатывала бы свой собственный текст. Минут за двадцать составил четыре варианта, самый лаконичный – не Бейсике, всего 7 символов, включая пробел и перевод строки, самый изящный – на Лиспе.

Начал сочинять то же самое на Паскале, но быстро запутался в перекрестных строковых коллекциях, впал в рекурсию, затем в меланхолию – и вывалился в окружающую реальность как раз к окончанию проповеди.

– Кто же будет судить нас за грехи наши тяжкие? – риторически вопрошал самаритянин. – Прокуроры с адвокатами? Товарищеский суд? Общественность? – И, изобразив мгновенную задумчивость, покачал головой, дескать, нет, не они. А я поймал себя на навязчивом желании также, как он, покачать головой. Но не покачал, удержался. – Вернемся к тому, с чего начали. К убийству. Вот когда сосед соседа по пьяному делу отверткой пырнет за то, что тот последней рюмкой не поделился – это плохо? Да. А когда солдатик на поле боя из АКМ-а врага срежет на секунду раньше, чем тот гранату метнет? Тоже плохо? Да. Очень плохо. Однако, куда от этого денешься? Накажешь солдата – через неделю сам на его месте окажешься. Только без автомата. Что ж, стало быть, простим солдатика?

На сей раз вопрос был адресован слушателям в зале, и те прореагировали заметно активней, чем в начале выступления. Больше всего ратовала за без вины согрешившего солдатика тетка с пакетами.

– Простим, – удовлетворенно констатировал ведущий. – Потому как грех на душу он принял за родную землю, а не за недопитую поллитру. А кто осудит медсестричку, которая аппарат жизнеобеспечения смертельно больному отключит, не в силах больше смотреть, как он, бедный, мучается? Мы осудим? Опыта у нас не хватит их осудить! Мудрости! Предоставим это дело Господу. Он всеведущ, он разберется. И покарает виновных, но... потом, на страшном суде. А

ведь нам хочется поскорее. Ну не может же нам ходить по одной улице с душегубами, ворами и прелюбодеями! Вот если б как-то отделить их от остальных – от нас, таких добрых и порядочных. Только как отделишь – на лбу-то у них не написано...

Насколько было бы проще и лучше, думаем мы, если бы Господь прямо указывал нам на грешника: «се согрешивши!» А уж покарать мы и сами сможем, благо знаем, за что, Господь отметил. Как отметил – нам пока не ведомо. Перстом с небес, молнией карающей или просто клеймом на челе. Впрочем, на челе – это полумера, можно волосы отпустить, кепку на лоб надвинуть, бандану повязать. Вот бы им, грешникам, такую отметку, чтобы ни смыть, ни утаить, ни вывести. А? Хорошо бы было?

Зал истово поддержал оратора. Даже Маришка монотонно кивала в такт его словам. Или просто клевала носом. Глаза-то закрыты, не понять.

– Вот мы с вами и подошли вплотную к идее наглядного греховедения, – улыбнулся самаритянин. – Только... Я вижу, некоторые из вас уже порядком заскучали... – И в упор посмотрел на меня. А мне, как на грех, именно в этот момент нестерпимо захотелось зевнуть. Так что пришлось изо всех сил сжимать челюсти, чтобы не показаться невежливым, пока позыв к зевоте не растворился в зубовном скрежете. – Да и мне пора отдохнуть. Так что к вопросу о наглядности мы вернемся через неделю. Буду рад увидеть вас снова в следу-

ющее воскресенье.

С этими словами самаритянин театрально раскланялся, легко вбросил объемистое тело на маленькую вертящуюся табуретку, оставшуюся от барабанщика, и одной палочкой, как какой-нибудь Паганини, выдал на ударных блестящую импровизацию. Свободной рукой он подыгрывал себе на там-таме.

– Вот уж вряд ли, – запоздало отреагировал я на приглашение приходить через неделю.

Нет, если бы он просто играл на ударных, это еще можно было бы стерпеть, играет он, надо сказать, довольно неплохо. Но когда в моем присутствии начинают говорить о религии и при этом не разрешают зевать в голос... Это уже кощунство!

Недавние слушатели дружно хлопали креслами и неровными струйками вытекали из зала. Лица большинства выражали легкую растерянность. Взгляды, в которых читался недоуменный вопрос: «И это все?», искали глаза самаритянина. Но тот, вдохновенно зажмурившись, казалось, с головой погрузился в игру и перестал замечать, что творится вокруг.

Действительно, как-то странно. Заманили календариком, напоили холодным чаем, напомнили о вечном. А ради чего?

– Пойдем отсюда, – сказала Маришка, вставая.

– Куда? – Я взглянул на часы. До концерта оставалось еще чуть меньше часа.

– Пойдем, прогуляемся. Я тут больше не могу.

Я встал и поплелся следом за ней к выходу.

Аритмичный перестук барабанов долго еще преследовал нас по коридорам и лестничным пролетам здания, пока его затухающее эхо не отсекали автоматические стеклянные двери входа, бесшумно сомкнувшиеся за нашими спинами.

С писателем мы так и не попрощались.

Холодное мартовское небо, и без того с утра затянутое мутной серой пленкой, начинало темнеть. Солнце, невидимое из-за облаков, опускалось к горизонту, невидимому из-за окружающих зданий. И все равно для этого времени суток было непривычно светло, сказывался перевод часов. Однако, подсветка на крыше ЦДЭ зажглась по привычке ровно в 18:00. Громада здания выделялась в зарождающихся сумерках как маяк, призывающий моряков, не вовремя вышедших в море, одуматься и вернуться.

Тем более, когда у них сорок минут до концерта и билеты без мест!

Но мы упрямо двигались в противоположную сторону, навстречу ветру.

– Знаешь, а мне даже понравилось. В чем-то, – сказала Маришка. – Ну, этот цвето-дифференцированный мир, в котором ничего плохого нельзя скрыть. Налево пошел – зелененьким стал. Перекормил слепенькую старушку грибами – сам покраснел и покрылся белыми пупырышками, как мухомор. Разве не здорово?

– Да уж, – нейтрально реагировал я, не вполне понимая,

о чем речь.

– Слушай... А как быть с цветными от рождения? Китайцами, например. Или у них жажда наживы – такой же первородный грех, как у христиан стремление к познанию? А негры? Интересно, на них это тоже распространяется? Ты видел когда-нибудь... О! – Маришка вдруг остановилась, пораженная, и прижала ладонь к губам. – Помнишь, в наших общагах, кажется, в шестерке, жил рыжий негр? Ну, у него волосы были рыжие, и лицо чуть-чуть отливало красным. Помнишь?

– Помню.

– Так вот, я только сейчас поняла, что он – не просто альбинос. – Маришка сделала «страшные» глаза и понизила голос. – Он – маньяк-убийца! Многосерийный! Серьезно говорю, без ножа зарежет. Помнишь, однажды мы зашли в таракановку, как раз напротив шестерки, а он там блины ел? Одной ложкой придерживал блин на тарелке, а другой отрезал от него кусочки. Тупой столовой ложкой, представь! Чем не маньяк?

– Ну, ножей в таракановке никогда не водилось, – напоминаю. – Вилки бывало, появлялись, но только в начале осени.

– Правильно, должны же первокурсники как-то обживаться. И стаканчики там всегда пластмассовые были, якобы одноразовые. Только, думаю, поварихи их потом отмывали и снова пускали в оборот.

– После меня – вряд ли. Я свои всегда после употребления

сминал в гармошку.

– А они выпрямляли! Знаешь, как из них потом компот пить неудобно? А напиток пепсикольный? Помнишь, в меню иногда откровенно писали: «Напиток пепсикольный». Попробуешь – он и есть! Содержание пепси-колы – процентов тридцать, остальное – вода...

Подсвеченная громада ЦДЭ на расстоянии напоминала гигантскую подстанцию: света много, а окон нет. Мы двигались не спеша по Татарскому мосту. Маришка лавировала между лужами, стараясь пройти где не по суху, там по мелководью, чтобы не замочить полусапожки, и все вспоминала, вспоминала, вспоминала... Брала реванш за долгий час вынужденного молчания и разминала речевой аппарат перед завтрашним эфиром. А я лишь время от времени вставлял в ее ностальгический монолог свое «Да помню я, помню!», глядя, как сбросившая ледяной панцирь река маслянисто скользит под нами, далекая и неслышная из-за шума проносящихся по мосту машин.

Наверное, поэтому, увлекшись созерцанием водной стихии, я не сразу уловил те изменения, которые произошли с Маришкой. Если, конечно, они *происходили*, то есть совершались во времени, а не возникли внезапно и вдруг.

Когда после очередного «Помнишь?» я взглянул на нее, мне показалось сперва, что это лучи нескольких прожекторов наложились на слепящий свет противотуманных фар, которые без надобности включил водитель идущего во

встречном потоке джипа, и сыграли с моим зрением нехорошую шутку. Но вот джип поравнялся с нами и промчался мимо, а наваждение так и не прошло, так что я на мгновение утратил чувство реальности и, качнувшись, остановился на полушаге, в то время как Маришка продолжила идти вперед, припоминая на ходу, как мой бывший одноклассник Пашка гнался по лужам за переполненным автобусом с дипломатом наперевес, забрызгался с ног до головы, а когда автобус остановился, не смог в него влезть. Как ни в чем не бывало шла, разговаривала сама с собой и ничего не замечала!

– Марина! – позвал я, поражаясь спокойствию собственного голоса. – Ты вся фиолетовая!

Остановилась, обернулась, состроила хитрую мордочку.

– Все ты путаешь, Тинки-Винки! Это ты фиолетовый. Ляля – желтая.

– Марина! – тупо повторил я. – Ты вся фиолетовая!

– Умница, Тинки! – продолжала дурачиться она. – Все теплузики знают, что шутка, повторенная дважды, становится в два раза...

И тут ее взгляд упал на ладони, сложенные для шуточных аплодисментов.

Маришка вскрикнула. От испуга или восторга – у нее это всегда получается одинаково. Взмахнула вверх рукава куртки, оголяя предплечья. Нагнулась, чтобы разглядеть колени.

– Я что, вся такая? – спросила дрогнувшим голосом.

– Вся, – подтвердил я.

– И лицо?

Я только кивнул. Это-то и было самым страшным. Стоял в трех шагах от нее, огромный и тупой как Тинки-Винки, и не знал, чем помочь. Только кивал в ответ и бормотал:

– Даже волосы.

– Ужас! – сказала Маришка и поправила плащ. – Это все чай!

Я немедленно вспомнил все: и маленькие запотевшие стаканчики на подносе и предостерегающий шепоток писателя. Но все-таки сморозил – от растерянности:

– Какая связь? Чай был красный, а ты – фиолетовая...

– Ты не понимаешь. Ты вообще слушал, что говорил толстяк на сцене?

В этот момент она снова была самой собой – супругой, заботливо вправляющей своему мужу-тугодуму вывихнутые мозги. Но при этом – непереносимое зрелище! – оставалась до корней волос, до кончиков ногтей и до белков глаз – фиолетовой. От макушки до пяток, различие наблюдалось только в оттенках. Глаза и губы были светлее, чем кожа лица. Еще светлее – волосы и ногти. Они как будто светились в подступающих сумерках.

– Пытался. – Оправдываюсь: – Меня писатель отвлекал. Пока слушал – вы вроде заповеди выбирали. Демократическим путем.

– Заповеди... – Зубы обнажились в усмешке. Мне уже доводилось видеть такие зубы – в детстве, у бабушки на даче, в

обломке зеркала, пристроенном над ручкой. В дни, когда поспевала черника. – А что такое цвето-дифференцированная эсхатология – понял? Дай сюда календарик!

– К-какой?

– Какой! Ты что, боишься меня? Думаешь, это заразно? – Маришка первая сделала шаг навстречу, не церемонясь, запустила руку мне во внутренний карман куртки.

Одиноким прохожим, вздумавшим по мосту пересечь Москва-реку в столь неурочное время, заведя Маришку, резко передумал и решительным шагом устремился обратно. Я понимал его: моя жена всегда была страшна в гневе.

– Так и есть! – сказала она и рука, сжимающая закладку-календарик, безвольно опустилась. Маришка слепо сделала несколько шагов в сторону и остановилась, наткнувшись на ограждение моста. В ее походке было что-то от куклы Барби, из пластмассового тела которой удалили все шарнирные элементы. Я оказался рядом, как раз вовремя, чтобы услышать болезненный шепот:

– Мы не просто выбирали заповеди. Кроме этого мы распределяли цвета. Каждой заповеди – свой цвет. Цветовая дифференциация. Наглядное грехоупование. Убийство – красный, воровство – оранжевый... Выбирали, руки тянули, спорили... Одна тетя все предлагала за измену не перекрашивать. Ну, может быть, немножко, в бледно-розовый. Долго смеялись... Думаю, один толстяк заранее знал, чем все закончится. На! – Бумажная полоска ткнулась мне в ладонь. –

Посмотри там, на фиолетовый.

Недоумевая с каждой минутой все сильнее, я прищурился на календарик. Вернее, на его оборотную сторону. И в рассеянном свете заоблачного солнца разглядел наконец слова, напечатанные мелким шрифтом поперек градиентной цветовой шкалы.

Сверху закладки, на красном фоне было написано: «убийство», ниже, там где красный цвет плавно перетекал в оранжевый – «воровство»... Я заглянул в самый низ радужной раскраски, и с трудом разобрал на темно-фиолетовом черные буквы, сложившиеся в «пустословие».

– Что за чушь? – заторможенно спрашиваю. – Что общего между убийством и пустословием? Разве это грех?

– Как видишь, – безрадостно иронизирует Маришка, ссутуливаясь над перильным ограждением моста.

– В любом случае, – пытаюсь сосредоточиться и начать мыслить здраво. – Даже если грех, пусть смертный, пусть самый страшный – все равно, каким образом...

Но Маришка не слушает, только причитает тоскливо:

– Что же делать? Что делать? – И вдруг сбивается на непоследовательное. – Мне же завтра работать!

Я хотел было сказать, что диджей на радио – не то же самое, что диктор на ТВ, цвет кожи особого значения не имеет. Но на всякий случай промолчал. Чай по-самаритянски я, конечно, не пил, и все-таки... Не хватало еще пофиолетоветь обоим!

Предложил только:

– Может, мороженого?

Ей-богу, это было лучшее из того, что пришло мне в голову в тот момент.

Пока бегал к метро и там еще метался минут десять вверх и вниз по Настреженке, распугивая прохожих, в поисках еще открытого киоска с мороженым, старался ни о чем не думать. Как ни странно, мне это почти удалось.

– Вам какое? – радушно любопытствовала пожилая мороженщица. – Есть шоколадное. Есть еще с карамелью, с клубникой...

– А нет у вас чего-нибудь чисто белого? – спрашиваю запыхавшимся голосом. – Без цветowych добавок?

Бегу назад. Тяжелые брикеты пломбира холодят ладони и оттягивают карманы куртки. В памяти навечно зафиксирован давно неактуальный ценник «по 48 копеек».

Небо окончательно темнеет.

Преодолев половину моста, перехожу на шаг, останавливаюсь, оглядываюсь.

Маришки нигде нет.

Сердце неприятно подпрыгивает в груди, когда я не обнаруживаю ее в том месте, где мы расстались. «Опоздал!» – проносится в голове отчаянная мысль.

Перевешиваюсь через перила. Черные после заката воды Москва-реки кажутся зловещими. Тупо наблюдаю, как капелька растаявшего пломбира медленно скатывается по за-

пьястью и обрывается, летит вниз к воде, мгновенно пропадая из поля зрения.

«А ведь, – думаю, – если бросить туда, допустим, камень, всплеска никто не услышит...»

– Але!

Оборачиваюсь на нетерпеливый оклик.

Слава Богу – она! Никуда не делась, просто отошла шагов на двадцать, притаилась за опорой моста от посторонних глаз, так что сразу и не разглядишь. Ей теперь легко прятаться, невидимой на фоне фиолетового ночного неба.

– Чего так долго?

– Так получилось, – вяло повторяю любимую отмазку всех фаталистов.

Когда я сдираю обертку с первого брикета, рука почти не дрожит...

Однако, двадцать минут поедания пломбира не принесли видимого результата. Все это время я, обнимая, прижимал Маришку к чугунной ограде моста, широкой своей спиной закрывая, насколько возможно, от редких прохожих. Приговаривал что-то невнятно-успокоительное: «И еще чуть-чуть, и еще капельку, вон пальцы уже побелели... Немножко...»

А Маришка сосредоточенно молчала, для верности прижав ладонь ко рту. Только один раз отвела в сторону мою руку с четвертой заботливо распечатанной порцией мороженого, сказала:

– Знаешь, пожалуй, иногда я действительно слишком

много говорю. Тебе, наверное, нелегко со мной приходится.

– Глупая, – пробормотал я, стараясь не отводить глаз от ее лица, любимого, но сейчас – немного пугающего. – Без тебя мне было бы вообще никак. И поцеловал ее прямо в фиолетовые, как лакмус, губы.

Которые на глазах начали розоветь.

Видно, поцелуй у меня вышел довольно-таки кислым.

Злополучный мост вывел нас прямым к «Парку науки». До «Ноябрьской» нам, правда, было бы удобнее, пересадкой меньше, но Маришка слишком замерзла, поглощая мороженое, чтобы лишние пять минут провести на пронизывающем мартовском ветру. Так что мы, не раздумывая, нырнули в кафельное нутро ближайшей станции.

Только на эскалаторе зуб у Маришки начал попадать на зуб. На слух это звучало жутковато, и я со всей нежностью, на какую был способен, погладил ее по холодной щеке, по заново посветлевшим волосам, стараясь успокоить, согреть...

Всю дорогу она с тревогой вглядывалась в свое отражение в вагонном стекле. Я, не скрою, тоже частенько поглядывал в ту сторону и, когда наши взгляды пересекались, строил Маришке смешные рожицы с целью хоть как-то приободрить. Получалось неубедительно.

Уже дома, поразмыслив, мы решили наутро заглянуть в ЦДЭ. Потолковать с добрым самаритянином, которого Маришка предпочитала называть «толстым», а если не застанем, узнать у кого-нибудь его координаты. Решал главным

образом я, так как Маришка была в этот вечер на редкость не словоохотливой. Только добавила в конце:

– И на всякий случай возьмем с собой Пашку. Ударим по ихнему тоталитаризму нашим милитаризмом...

На том и заснули.

Жаль, подумал я, засыпая, что мы так и не попали на концерт. Или, как сказала бы Маришка, «в концерт». Все равно жаль! «Пикник» не так часто выступает в Москве. К тому же с новой программой. «Фиолетово-черный»...

Хм... Интригующее название!

ЦВЕТ ШЕСТОЙ. СИНИЙ

Маришка ошиблась вчера, ради сомнительного каламбура обозвав Пашку милитаристом. К гонке вооружения он имеет весьма посредственное отношение – скорее, как борец с наращиванием военной мощи. Из неисчерпаемого арсенала родины Пашка позаимствовал для личного пользования табельный пистолет какого-то удручающе малого калибра и, насколько мне известно, ни разу им не воспользовался. Он даже мне его никогда не показывал! Почему? Калибра, что ли, стесняется?

Вообще-то Пашка – милиционер.

Я не берусь сейчас оспаривать справедливость утверждения, которое часто можно прочесть на стенах домов, лифтовых кабин и кожаной обивке автобусных сидений. Дескать, «Все менты – козлы!». Пусть так, в конце концов такое множество людей одновременно ошибаться не могут, не лемминги же они, закон больших чисел не позволит. Просто заявляю, что в таком случае Пашка – не мент. Он – милиционер.

Посудите сами! Голова, формой напоминающая муравьиную. Совершенно кроличьи за стеклами очков глаза. Опять же, хоть и без кроличьей губы, но два верхних резца непропорционально большие. Лапки из-за возникших еще в детстве проблем с суставами напоминают крабьи клешни... Ну

ничего ведь козлиного нет в Пашкином облике, ни рогов, ни копыт! Даже щетина на лице, по-моему, не растет в принципе. Хотя бритвенный станок, помнится, лежит в Пашкиной ванной на самом видном месте. И не абы какой, а «Gillette Cool Blue Mach-3»! По одному лезвию на каждый волосок, который еще поди отыщи под мощным микроскопом на гладком холеном подбородке.

А если копнуть еще глубже, выяснится, что Пашка – и не милиционер вовсе, а так, что-то вроде. Я, честно сказать, не силен в классификации силовиков. Разве что омовца «при исполнении» опознаю – по прорезям на глазах и наручникам на заднице. Сам себя Пашка классифицирует уклончиво, говорит, что специализируется «по экономической части». Как какой-нибудь завхоз в районном отделении! И о профессиональных успехах рассказывает крайне неохотно, а на неизбежный вопрос «Зачем?!», заданный в разное время в разных стадиях опьянения, однообразно отшучивается: «Ну, не всем же быть веб-дизайнерами...»

В общем, повторяюсь для ровного счета в третий и последний раз: никакой Пашка не мент! И на этом закроем тему.

Я позвонил ему на следующее утро. Три месяца до этого как-то не удосуживался, – хотя никакой особой занятости я за собой последнее время не ощущаю, – а тут, как прижало, позвонил. Естественно, не по «02», а по нормальному, семизначному номеру. Плюс восьмерка. Плюс код оператора. Вот так.

Сотовый положен Пашке по службе. Во-первых, потому что он постоянно в разъездах. (Не знаю, может, и не чаще иного рядового опера, но телефон своего рабочего кабинета Пашка мне давал с комментарием: «Записывай, конечно, только там обычно никого не бывает. Но ты все равно запиши, мало ли: вдруг, ногу сломаю...») Во-вторых, из-за этой своей экономической специализации. В самом деле, неловко получится, если в присутствии солидных представителей большого бизнеса у тебя в кармане вдруг хрюкнет рация и, выматерившись для завязки разговора, потребует четырнадцатого. Так недолго потерять лицо.

Трубка в моей руке прервала свое тахикардийное треньканье неожиданно скоро, не оставив мне времени как следует подготовиться к разговору.

– Алло? – произнесла она приятным мужским голосом.

– Пааш! – протягиваю просительно.

– Сааш! – слышу в ответ.

Такова традиция. Что-то вроде комбинации пароль-отзыв.

Захожу на всякий случай издалека. Да и неясно, с чего тут можно начать, так чтоб сразу не обвинили в скудоумии. Причем, вполне заслуженно.

– Ты, – спрашиваю, – в Бога веришь?

– Ясно, – ничуть не удивившись, отвечает Пашка. – Следующий вопрос будет, пью ли я водку. Отвечаю сразу: на работе не пью. Тем паче в десять утра.

– А в Бога? – настаиваю. – В десять утра – веришь? Особенно в той части, где он грехи и заповеди определяет. Не убий там, не укради... не чванствуй... Читал?

– Скорее, «не чванься», – поправляет Пашка. – Нет, сам не читал. Но кино про них видел, «Семь» называется. А что?

– Ну, так ты во все это веришь? – продолжаю настаивать.

– Видишь ли... Это не телефонный разговор. По крайней мере не по мобильнику и не на скорости сто двадцать в час.

– Хм... А разве за рулем по сотовому можно? – интересуюсь.

– Вообще-то пока можно, – следует скупой ответ. – И еще неделю будет можно. К тому же у меня тонированный лобовик. Так о чем ты хотел поговорить? О Боге и иже с ним, извини, только при личной встрече.

– И я о том же! – радостно соглашаюсь. Перенимаю телеграфный стиль общения, мне почему-то кажется, что это положительным образом повлияет на исход разговора. – Подъехать можешь? Ко мне. Прямо сейчас.

Трубка негромко удовлетворенно всхрюкивает.

– Ну, ты наглец! – восхищается Пашка и добавляет после паузы: – Только учти, через два часа я должен быть в одном месте.

– Значит, договорились? – уточняю.

– Значит, – бросает небрежно. – Привет княжне! Конец связи...

Трубка заходится гудками, а я подвисяю ненадолго, задум-

мавшись на тему: «Как же все-таки профессия меняет человека!»

Вот взять, к примеру, хотя бы это «значит». Как-то раз в недавнем студенческом прошлом, на каком-то гуманитарном спецкурсе, кажется, по экономике, Пашка докладывался у доски, обильно потея и преданно разглядывая своими кроличьими глазищами всех одноклассников сразу. А я от скуки рисовал на последней странице общей тетради единообразные палочки, но не просто так, а со смыслом. Всякий раз, когда Пашка вклинивал внутрь предложения, а то и просто заумного экономического термина свое любимое «значит» или «эт самое», я выставлял очередную палочку. Сколько их набралось за время доклада, точно не скажу, пересчитывать было лень, но, поверьте мне, частокольчик из палочек получился внушительный. Примерно на полстраницы.

К тому же, отвечая ли у доски или просто разговаривая с кем-нибудь малознакомым, Пашка всегда сильно волновался, а временами так просто начинал за-за-за... И застыл в середине фразы с перекошенным ртом, а я в такие моменты тактично устремлял взгляд куда-нибудь в сторону.

И куда только все это подевалось? Не осталось и намека на заикание, речь стала спокойной и уверенной, слова-паразиты сами собой повывелись. Сейчас, когда Пашка употребляет в разговоре еще недавно изводившее всех «значит», это звучит *значительно*...

Трубка, плимкнув напоследок, возвращается на базу, а я

с сожалением перевожу взгляд на Маришку. С сожалением, потому что, как бы божественно и вдохновенно не выглядела она в эту минуту: встревоженная челка закрывает лоб, реснички подрагивают как крылья синички, щека хранит трогательный отпечаток от шва на подушке... все равно ведь придется будить!

Пашка зовет ее княжной, имея в виду княжну Мэри. Как сказал бы мой вчерашний сосед-писатель, копирайт – Лермонтов. Не помню уже, в чем там суть, помню вроде дуэль была, лишний человек пристрелил не лишнего и от этого стал фаталистом... Но при чем здесь моя Маришка? Какая из нее княжна? Просто по созвучию имен? Почему тогда не королева, например, Марго? Хотя, на мой взгляд, она больше похожа на царевну. Копирайт – Пушкин. Не хватает только хрустального ящика на цепях.

Нежно, но настойчиво трогаю выскользнувшее из-под одеяла плечо.

– А-а?

И такое в теле – даже не движение, а порыв к нему, дескать, вот уже встаю, сейчас, видишь же, почти встала – и вдруг: ах! Проклятая сила тяжести!.. Нет, невозможно!

Приходится тормошить снова.

– Маришш... Пашка сейчас приедет.

– Скоро? – А на челе застывает складочками невыразимая мука.

– Не знаю. Судя по скорости езды, в любой момент.

Маришка картинно трепещет ресницами, балетно раскидывает руки, издает опереточный, то есть музыкальный, но несколько наигранный стон – и начинает постепенно отходить ото сна.

– Ну, а ты, княжна, чего молчишь?

Пашка с неестественно прямой спиной восседает на табуретке. Костюм на нем серый, с намеком на голубизну, словом, штатский. Стрелочки на брюках топорщатся параллельно друг другу, перпендикулярно полу.

Невольно вспоминается, как на двухнедельных военных сборах, прежде, чем произвести в офицеры, нас учили правильно укладывать форменные штаны на огромных прикроватных табуретах. Свернутыми штанинами к проходу, распахнутым гульфиком на север. На полном серьезе, якобы «по уставу»...

Впрочем, Пашки-то как раз на тех сборах и не было. Как и на прочих кафедральных мероприятиях... Пацифист доморощенный! Отсюда все его проблемы: и повестка, торжественно врученная вместе с дипломом, и «Эт самое, как же я теперь – рядовым? А если это, значит, зашлют? Ну, ту-ту-туда...» и судорожный поиск альтернативной специальности, и наконец «Добро пожаловать в органы, сынок...» А органы, как известно, особенно внутренние, бывают разные.

И ничего, прилично вроде бы устроился. Ходит в гражданском, складная трубка распирает грудь, вместо примелькавшегося и в свое время и ставшего на факультете настоящей

притчей – если не легендой! – во языцех дипломата на уголке стола примостилась пухлая визитка коричневой кожи. Очки заменил на невидимые линзы, но глаза остались прежними... глазами бешеного кролика.

Сейчас они испытующе пялятся на Маришку.

– А что тут скажешь... – Маришка стоит, прислонившись к мойке, и внимательно рассматривает собственную руку, как будто пытается разглядеть на коже хоть крошечное пятнышко фиолетового пигмента. – Шура все правильно рассказал.

– И фамилию так называемого доброго самаритянина ты тоже не запомнила?

– Да я и в лицо его не очень... Глаза почти все время закрывала. Только он не добрый, он толстый.

– А чай? Ты не заметила в нем ничего странного? Какого-нибудь необычного привкуса?

– Да никакого привкуса! Говорю же, даже сахар пожадничали положить. Если бы чего-нибудь от себя добавили, насыпали бы полстакана, не экономя. Я и выпила всего грамм сто.

– Ну, это если бы мышьяку подсыпали... А ты?

Бешеный кролик с подозрением смотрит на меня. Таким взглядом, пожалуй, можно загипнотизировать и удава. А невесть как пробившийся сквозь облака солнечный лучик наискось пронзает тесное помещенье кухни и утыкается мне в лицо, так что я сразу начинаю чувствовать себя нелов-

ко, как на допросе.

– Я не пил, – отпираюсь, щурясь на утреннее солнце, как припозднившийся с прогулки вампир.

Пашка оборачивается к Маришке, спрашивает по-протокольному:

– И как скоро после употребления напитков подействовал?

– Не знаю. Кажется, полчаса прошло.

– Минут сорок – сорок пять, – спешу, чем могу, помочь следствию. – И через столько же примерно все закончилось. Как-то само собой.

– И больше...

– Ничего такого, – заканчивает Маришка. – Слава Богу... и пломбиру.

– Кстати, не исключено, – серьезно соглашается Пашка. – Вспомните, как Распутин не смогли отравить из-за пирожных с кремом.

– Лучше б пирожных! – Маришка обнимает себя за плечи и шмыгает носом. – А так я, кажется, простудилась. Килограмм мороженого уплести... Бр-р-р-р!

– Ладно, будем надеяться, чем бы там не опоили княжну под видом чая, это был препарат одноразового действия. Хотя сходить на обследование все равно было бы не вредно.

– Куда? – спрашивает Маришка. – В поликлинику или в церковь? К терапевту или к дерматологу? И что сказать? Доктор, я согрешила? Я слишком много болтала языком и от этого стала похожа на баклажан?

Пашка недовольно морщит свой муравьиный, читай вытянутый и сужающийся к макушке, лоб. Замечает:

– Ты и сейчас говоришь немало.

– Угу, – сухо соглашается Маришка и, отвернувшись к мойке, пускает воду и начинает сосредоточенно намыливать чашку из-под кофе. Вид у нее при этом – как у плененного «белыми» Мальчиша-Кибальчиша: «А больше я вам ничего не скажу!»

Потеряв основного свидетеля, сиречь потерпевшего, Пашка переключается на второстепенного. На меня.

– Вот эту часть твоего рассказа я, честно сказать, понял меньше всего, – признается он. – При чем тут какое-то наглядное греховедение? Для наглядности вам бы в чай сыворотку правды впрыснули или что-нибудь наподобие, для развязки языка. Вот тогда бы вы сами друг другу все рассказали, как на духу: кто согрешил, когда и сколько раз. Тут же принцип действия иной, замешанный на идиосинкразийной реакции.

Маришка фыркает, не оборачиваясь. Когда-то она заявляла мне, что у нее аллергия на слово «идиосинкразия». И наоборот.

– Почему, собственно, пустословие? – не отвлекаясь, спрашивает Пашка. – Потому что княжна, прежде чем... – короткая пауза, – скажем так, сменить цвет, о чем-то... – пауза подлиннее, – скажем так, долго и увлеченно разглагольствовала? И потому что именно фиолетовым цветом в соот-

ветствии с каким-то там «календариком» Господь Бог маркирует грешников, уличенных в пустословии? Дай-ка, говорит... в смысле, изрекает — я его молнией стукну. Он станет фиолетовым... в крапинку! А вы не предполагали тут случайного совпадения? И календарик... Вы его, кстати, не потеряли? Мне бы взглянуть...

Перестаю подпирать спиной дверцу холодильника, послушно шаркаю в прихожую, на ходу пожимая плечами.

Может, и вправду совпадение. Даже скорее всего. Просто Маришка после эмоциональной накачки, полученной во время проповеди, была подсознательно готова к чему-нибудь эдакому... неадекватному. А я, хоть все эмоции, точно подобранные слова и интонации самаритянина и прошли мимо меня, как пишут в заключении патологоанатомы, «не задев мозг»... все равно немного растерялся. Принял без возражений первое попавшееся объяснение.

А вот Пашка — молодец, сразу отделил зерна от плевел, мистическую бутафорию от криминала, совсем как Атос. Сударыня, вы пили из этого бокала?..

С другой стороны Пашке легко демонстрировать рациональный скептицизм. Его ведь не было с нами вчера. И вряд ли ему когда-нибудь доводилось видеть, как лицо любимой на глазах становится незнакомым, как на фиолетовой коже ладоней светлыми шрамами проступают линии жизни, а губы сливаются, точно от холода... Еще точнее — с холода. Копирайт — Маяковский.

Зажмуриваюсь, мысленно представляя то, что только что насочинял. Жжжут!.. Мурашки по спине...

Кого я обманываю? Зачем? Я ведь тоже вчера не заметил никакой динамики, обратил внимание уже на свершившийся факт. Нет, ведь обязательно нужно было домыслить, экстраполировать, напугать самого себя до полусмерти!..

Быстро нашариваю в кармане куртки календарик-закладку и бодро шагаю из неосвященной прихожей в кухню, где солнечно илюдно.

– Ага, уже что-то... Положи-ка вот сюда, – требует Пашка, и я опускаю на псевдомраморную пластиковую столешницу нашу единственную улику, прямоугольник из плотной гладкой бумаги. Сейчас это закладка.

Не прикасаясь руками, Пашка ссутуливается над столом, мгновенно утрачивая чванливую осанку, и вроде бы даже обнюхивает цветную полоску, поводя носом, как кролик, почуявший морковку. Кроличьи его глаза сосредоточено выпучены, так что сама собой приходит глумливая мыслишка: ах, если бы не линзы, они б, наверное, выскочили из орбит и покатались вприпрыжку по гладкой, недавно протертой поверхности стола... Пришлось отвернуться, чтобы спрятать улыбку.

– Ну ладно, не убий, не укради... Это я могу понять и даже одобрить. Но зависть-то! – Пашка поднимает глаза от стола. Спина немедленно принимает прежнее неестественно прямое положение. – Разве это грех? Это ведь даже не по-

ступок, это свойство души, черта характера.

– Грех, причем один из основополагающих, – уверенно отвечает Маришка. Вода уже не журчит в мойке, Маришка стоит к нам лицом и концом перекинутого через плечо полотенца вытирает рюмку из цветного стекла – напоминание о вчерашнем «снятии стресса». – Сама по себе зависть, затаенная в душе, безвредна. Но именно она, вырвавшись на волю, становится первопричиной большинства предосудительных поступков, как перечисленных в списке, так и не вошедших, более мелких.

– А алчность? Почему тогда ее нет? Я, конечно, варюсь в этом котле не так давно... Я имею в виду общение с потенциальными и патологическими грешниками... Однако, успел уразуметь, что люди становятся преступниками чаще всего из-за денег.

– Частный случай, – отмахивается Маришка. – Алчность – это зависть к тем, у кого больше денег, и к тем благам, которыми они вследствие этого обладают... Только не думайте, что это я придумала. Это все толстый вчера...

– Мда... – как-то неуверенно изрекает Пашка. – Как говорится, тут на трезвую голову не разобраться... Дай-ка рюмочку! – Он протягивает руку Маришке раскрытой ладонью вверх.

– Ты же за рулем! – урезонивает та.

– К тому же коньяк мы вчера весь допили... – вспоминаю с оттенком сожаления.

– Ты давай, давай... – настаивает Пашка.

Маришка прекращает протирать рюмку и аккуратно ставит ее на Пашкину ладонь.

– Ага, – рюмка на ладони подплывает ко мне. – Подержи-ка! – просит Пашка вместо того, чтобы просто поставить на стол.

Недоумеваю слегка, однако, послушно принимаю тонкий сосуд на витой ножке и некоторое время кручу в пальцах, пока Пашка возится со своей визиткой.

Визитка пухлая, трещит буквально по всем молниям, однако до прежнего Пашкиного дипломата ей далеко. Пашка никогда раньше, сколько я его помню – то есть пять лет учебы в Универе – не расставался с ним. Даже в туалете. Даже когда мы на День Космонавтики забирались на фонтан перед Главным Зданием. Не скулил, не ныл, поскольку ручка дипломата была зажата в зубах, зато как стонал!.. Но держал. А в столовой он клал дипломат на стол и уже поверх него ставил поднос с едой. Так, аргументировал Пашка, меньше наклоняться. И однажды чуть было не сдал его вместе с использованным подносом, положил уже на медленно ползущую конвейерную дорожку и опомнился, только когда младший брат чемодана надежно застрял, не вписавшись габаритами в окошко посудомойки, и перекрыл движение следующим за ним тарелкам и стаканам. Звону было – Федора отдыхает! Копирайт – Чуковский.

Не удивлюсь, если и в с среднюю школу Пашка таскал-

ся с ним же, огромным, черным, тогда еще не таким обшарпанным, с трехзначным – на взломщика-недоумка – кодовым замком. В дипломат этот помимо блочной тетрадки и нескольких учебников (как правило, не по теме) легко помещались две ракетки для большого тенниса, огромное яблоко и вышитая подушка-думка. Пашка подкладывал ее под щеку, когда засыпал прямо в аудитории, выставив перед собой раскрытый учебник и тем самым символически спрятавшись от лектора. Иногда в такие моменты я брал с парты его сложенные на специальную тряпочку очки и заботливо надевал их Пашке на нос. Чтобы сны лучше видеть.

А еще один раз был совершенно восхитительный случай...

– Шурик, ты с нами?

Крабья клешня нетерпеливо щелкает пальцами перед моим лицом. Вздрагиваю.

– Слава Богу! Я боялся, мы тебя потеряли. Клади сюда.

В пальцах Пашка держит раскрытый пакетик. Узкий, прозрачный, самоклеивающийся. С облегчением опускаю в него рюмку. Хватит, хватит гипнотизировать меня яркими бликами на фигурном стекле. Я и без гипнотизера в такой транс иногда войду – никакой медитатор-морфинист не догонит!

Вслед за рюмкой Пашка отправляет в пакетик закладку-календарик, аккуратно поддев ее за края большим и указательным пальцами. Ну разве не краб?!

Проведя щепотью по срезу, «заклеивает» пакетик и убивает во внутренний карман пиджака. Поближе к сердцу и соловому.

— Скоро верну, — обещает он и бросает два пристрелочных взгляда — на меня, потом на Маришку. — А теперь, полагаю, вы попросите меня отвезти вас в Центральный Дом Энергетика. И помочь разобраться со всей этой эзотерикой... Ладно, считайте уговорили. — И тут же, не оставляя времени на размышления: — Сбор внизу через пять минут. Пойду пока погреюсь...

Пашка резко встает, быстрым шагом покидает кухню. И только в прихожей, когда он, нагнувшись, чтобы завязать шнурки на ботинках, задевает макушкой неплотно прикрытую дверь ванной и негромко пыхтит от досады, я на мгновение снова вижу в нем, в этом солидном, подтянутом мужчине того, прежнего Пашку. Которого еще на абитуре, на первом медосмотре, подменив юношеский обходной лист на девичий, отправил к гинекологу. Которому на экзамене по алгебре подsunул собственного сочинения, со зла написанную шпаргалку про «не вполне нормальный оператор с косоквадратной матрицей». Которого...

Но вот он выпрямляется, смотрит на часы и повторяет строго: «Осталось четыре с половиной минуты» — и видение рассеивается.

— А он изменился... — задумчиво констатирует Маришка, выпячивая и раскрашивая губы перед зеркалом.

– Ага, – соглашаюсь. – Такой уверенный стал, порывистый... А как ненавязчиво отпечатки у нас снял? Почти профи!..

Через приоткрытую форточку слышно, как внизу громко хлопает подъездная дверь.

– Рюмку бы только не разбил, – шумно выдыхает, сдувая волосы со лба, Маришка. – Порывистый...

Ах, чего только не вытворяла на перегруженных утренним потоком машин улицах столицы Пашкина «БМВ»! Темно-зеленая, обтекаемая, стремительная, если смотреть снаружи, и мягкая, кожаная, коричневая для тех, кто допущен в салон. В очередной раз игнорируя расцветку светофора или проносясь поперек разметки, Пашка просто высовывал в приоткрытое окошко синий проблесковый маячок – неподключенный, незакрепленный, без сопроводительной сирены! – и комментировал свои действия примерно так:

– Вообще-то стараюсь не афишировать. Просто время поджидает...

А ставшие невольными свидетелями Пашкиной езды гибдешники только разводили в растерянности жезлами, наблюдая такую наглость. Может, и неслись нам вдогонку их редкие неуверенные свистки, но не доносились, ибо скорость звука, увы, тоже не безгранична.

– Полноприводная? – интересуюсь с невольным уважением, глядя, как мягко машина сворачивает с Татарского проезда на одноименную набережную.

– Да нет, – отзывается водитель, – задне...

– Это хорошо.

– Почему это?

– Да так, вспомнилось... – отвечаю, припоминая некоторые обрывки вчерашней проповеди, которые каким-то чудом зацепились за мое сознание. «Ни вола его, ни осла, ни прочего транспортного средства, включая полноприводные иномарки...» – это же надо так сформулировать! – А то бы я обзавидовался. Позеленел бы, как...

– Как одуванчик! – перебивает Маришка. – Зависть – она желтого цвета.

– Странно. Мне всегда казалось, от зависти зеленеют.

– Зеленеют от похоти.

– Ого! – притворяюсь удивленным. – Откуда такое знание предмета?

– Память хорошая, – парирует Маришка, и это абсолютная правда. Память у нее удивительная, просто нечеловеческая, но очень уж избирательная. Вот зачем, допустим, нормальному человеку помнить, как кто-то семь лет назад от избытка чувств пролил на светлое летнее платье немножечко «Фанты»? Совсем чуть-чуть, меньше полулитра. А вот о том, как тот же кто-то на другой день застирывал откровенно женское платье в мужской умывальне под одобрительные комментарии соседей по общежитию, к тому же в ледяной по случаю летних профилактических работ воде... об этом подвиге почему-то не сохранилось ни единого воспоминания.

Нет, такую память не дай Бог никому!

– Хватит обсуждать всякую ерунду, – морщится в зеркальце заднего вида Пашка. – Причем с таким серьезным видом. Мы, к слову сказать, приехали.

«БМВ» мягко прошуршала колесами на огороженную стоянку перед ЦДЭ, в этот час практически пустую. Пашка первым ступил в тень гигантской подстанции, дождался, пока мы с Маришкой хлопнем дверцами, и тонко пискнул брелоком сигнализации.

– Ну, с Богом! – объявил он. – Кстати, ничего, что я о нем вот так... всуе?

Когда стеклянные двери разъехались в стороны, я невольно напряг слух, силясь различить в многоголосице звуков, заполняющих все внутреннее пространство здания, далекий перестук барабанов. Какие-то люди стучали каблучками и шаркали подошвами, о чем-то неразборчиво бубня. Хлопали двери. Из холла третьего этажа, где, если верить табличке-указателю, проходила выставка «Трансформаторы будущего», доносилось чье-то сытое утробное урчание. Должно быть, как раз с таким звуком по версии организаторов выставки трансформируется будущее. А вот барабанов слышно не было.

Да и малый концертный оказался закрытым. Вполне предсказуемый результат в 11 утра понедельника.

– Ну хорошо, – сказал Пашка, пару раз торкнувшись в запертую дверь. Первый раз – легонько, для очистки совести,

второй – уже всерьез, объединенным усилием плеча и бедра. Для зачистки. – Попробуем по-другому.

И, хоть сказанное прозвучало бодро, по меньшей мере бодренько, в душе моей прочно угнездилась уверенность, что приехали мы сюда зря. Никого мы здесь сегодня не найдем, только потратим понапрасну Пашкино казенное время.

Пашка, как будто в ответ на мою упадническую мысль, подцепил клешней манжету на белоснежном рукаве рубашки, глянул на часы и сказал:

– Думаю, нам туда!

После этого мы минут десять, как какие-нибудь участники броуновского движения, хаотично перемещались по этажам и коридорам Дома Энергетика. Вверх-вниз, туда-обратно – все это быстрым шагом, временами переходящим в перебежки – пока не остановились перед неброской желто-коричневой дверью с надписью «АДМИНИСТРАТОР».

– Ждите здесь, – скомандовал Пашка. Разочек царапнул для приличия дверь пониже таблички и, не дожидаясь ответа, распахнул. Я успел разглядеть только фрагмент дивана и половинку развернутого лицом ко входу письменного стола, под которым скучающим маятником раскачивалась чья-то одинокая нога в чулке телесного цвета, прежде чем Пашка, войдя в приемную, плотно прикрыл за собой дверь.

Маришка поискала глазами, куда бы присесть. Не обнаружив ничего достойного, прислонилась к стенке и, естественно, смежила веки.

– Саш, ты слышишь? – спросила она через пару минут пассивного ожидания.

– Что? – спросил я и прислушался. Из-за закрытой двери доносился слабый, и как бы с каждой секундой все более ослабевающий женский смех. – Смеются, кажется. Анекдоты он там, что ли, рассказывает? Для развязки языка...

– Как же, анекдоты! – Маришкины брови скептически сошлись над переносицей. – Пал Михалыч допрос производить изволют. С пристрастием, третьей степени. Сейчас аккурат к пыткам щекоткою приступили.

Вот Маришка у меня щекотки нисколько не боится. А если спросить: «Что ж ты тогда хихикаешь и повизгиваешь, когда тебя щекочут?», ответит: «Глупый! От того и хихикаю, что не боюсь. Мне от щекотки не страшно, мне от нее... ве-се-ло!»

Смех за дверью то сходил на нет, то вспыхивал с новой силой, словом, изменялся волнообразно. Интриговал.

«Конечно, им легко смеяться... – с легкой обидой думал я. – Они же не видели...» Додумать мне не дал объявившийся на пороге Пашка.

– Стопроцентный облом! – радостно отрапортовал он. – Или, как говаривал наш препод по теории алгоритмов, полный неуспех!

Честно сказать, не припомню, чтобы наш «препод» по ТА, добрейшей души старушенция, когда-нибудь так выражалась. Тем более не припомню, чтобы Пашка хоть раз посе-

тил ее семинар. «Тут ведь какой алгоритм, – говорил он мне незадолго перед зачетом. – Возьмем, к примеру, букет цветов. Тридцать огромных, белых, невыносимо благоухающих роз. Нет, лучше все-таки тридцать одну. Значит, возьмем их в охапку, принесем на зачет и попросим алгоритмичку вежливо: «Пересчитайте, пожалуйста». Она, эт самое, пересчитает, скажет:

«Тридцать одна». А мы ей: «Все правильно. Вот здесь распишитесь...» – и подсунем зачетку...»

В общем, с этим полным неуспехом дело темное. Пашка вроде не из тех, кто ради красного словца не пожалеет и отца. Копирайт – Морозов... Кстати, Пашкин тезка.

Опять же неясно: если облом и вправду стопроцентный, почему же Пашка такой счастливый?

– Порочный круг получается, – объяснял он. – Почти как со смертью кощейвой. Все документы об аренде помещений хранятся в сейфе, ключ от сейфа, в единственном экземпляре – у администратора, сам администратор – неизвестно где. Секретарша по крайней мере не в курсе. На работу он не явился, по домашнему телефону никто не берет трубку, соловый – вне зоны уверенного приема. Больше здесь, я думаю, нам никто ничего не скажет. Так что давайте-ка по-быстро-му сделаем отсюда ноги, пока я окончательно на стрелку не опоздал.

Понуро спускаемся по лестнице вслед за бодро напевающим себе под нос Пашкой. «А значит, нам нужна одна по-

беда... Мы, эт самое, за ценой не постоим...» Когда оказываемся на уровне галереи второго этажа, Маришка резко командует:

– Стоп! – и совершает неприличный жест. В смысле, указывает пальцем.

Дверь малого концертного зала распахнута настежь.

Пашка останавливается, морщится на циферблат часов, вздыхает, но к двери идет. Я – следом. Прежде, чем зайти внутрь, заглядываю с некоторой опаской.

Зал совершенно пуст. Сцена тоже пуста. Пуще прежнего. Ни ударной установки, ни колонок. В память о вчерашнем концерте – если точнее, двух концертах! – осталась только одинокая микрофонная стойка, которую какая-то женщина в синем рабочем халате, сгорбившись, волочит в направлении маленькой дверцы в стене позади сцены, откуда вчера, должно быть, появлялись под восторженные крики фанатов музыканты. В осанке и походке ее мнится мне что-то злое, да и стойку она увлакивает явно неспроста, а с каким-то тайным, недобрым умыслом...

– Женщина, стойте! – раздается над ухом Пашкин оклик, слишком резкий в небольшом, но акустически продуманном помещении.

Стойка с легким грохотом падает на дощатый пол. Зловещая фигура вздрагивает и замирает, потом медленно поворачивается к нам, поворачивается... и разом теряет всю зловещесть.

Нормальная уборщица. По совместительству – пенсионерка. И стойка микрофона ей ни к чему, убрать бы только с глаз, чтоб подметать не мешала. Разве что вместо швабры ее приспособить...

– Извините пожалуйста, – с немного виноватым видом улыбается Пашка. На лице – раскаяние бешеного кролика. – Мы не собирались вас пугать, только задать пару вопросов.

– Каких таких вопросов? – подозрительно прищуривается старушка. Видно, что она не до конца еще оправилась от испуга.

– Несложных, – обещает Пашка. – Скажите, вы давно здесь работаете?

– А вы почему интересуетесь? Вы, часом, не из пенсионного фонда?

– Нет, что вы! – изображает радушие Пашка, а Маришка прибавляет вполголоса:

– Мы из генного...

– Так, может, из налоговой? – опасливо спрашивает уборщица. А я с интересом жду Пашкиного ответа: самому давно не терпится узнать, откуда он все-таки. И куда.

– Не волнуйтесь, – вместо ответа просит Пашка. – Речь сейчас не о вас...

– А я и не волнуюсь. Чего мне волноваться? – Старушка нагибается за микрофонной стойкой, медленно, с усилием выпрямляется – крестовина стойки задрана вверх, – похожая в этом движении на солиста рок-группы, который, скло-

нившись над монитором, нашептывает о безответной любви к родине. Встает, опираясь на стойку, как на клюку, обеими руками, шаткой опорой компенсируя профессиональную сутулость. Заканчивает убежденно: – Не, мне волноваться нечего...

– Вот и отлично. Так давно вы здесь работаете?

– Давно. Десятый год. Нет, постойте-ка! Одиннадцатый...

– И вчера работали?

Старушка задумывается, качает головой.

– Не, вчера кто работал? Никто не работал. Выходной.

– Ах, да. Скажите, а вы случайно не видели здесь...

Не дослушивает.

– Да что я вижу? Я человек маленький, дальше швабры ничего не вижу. Окурки вижу, бутылки вот пустые – вижу, полы истоптанные... А!.. – Старушку осенило. – Вы, наверное, потеряли что-то? Не пакет такой – желтый, с ручками? Так я его гардеробщице сдала, даже не поглядела, что там. Я ей все сдаю, если чего найду...

– Нет, пакет нас не интересует, – мягко останавливает Пашка. – Нас интересуют люди, которые собираются в этом зале по воскресеньям. Сектанты.

– Сектанты? – Бабушка недоуменно моргает. – А!.. Это которые из секции?

– Из секты, – поправляет Пашка.

– Ну да, я и говорю, из секции. Из кружка, значит. Не, кружки все давно позакрывали. Это раньше, лет десять назад

– были... И кройки и шитья, и аккордеона, и юный электрик, и танцевальный... А в подвале был еще стрелковый.

– Достаточно!

– Иной раз по три совка пулек... за ними... выметала... – не сразу останавливается старушка. Смотрит на Пашку с наивным ожиданием во взгляде.

Странно все-таки она себя ведет. Неестественно. Такое ощущение, что во время оно старушка служила партизанкой.

Не то чтобы она увиливала от ответа, напротив, отвечала охотно, даже чересчур, да все не о том. Как будто, опасаясь чего-то, сознательно уводила разговор в сторону.

– Забудьте, пожалуйста, о кружках и секциях! – просьба Пашки больше смахивает на приказ. – В данный момент нас интересует один человек. – Оборачивается к нам с Маришкой. – Еще раз, как он выглядел?

Следуют сбивчивые описания, в которых больше эмоций, чем полезных подробностей.

– Толстый, добрый, лицо как с иконы? – задумчиво повторяет старушка. Изображает сожаление. – Не, такого бы я не забыла.

– Значит, не видели? – из последних сил сдерживая нетерпение, резюмирует Пашка. Правая ладонь на левом запястье – закрывает часы, чтобы не расстраиваться. Тело напоминает перекрученную часовую пружину. Готовность к старту номер один.

Старушка медлит с ответом, решается. Смотрит испытывающе.

юще: может, сам отстанет?

– Не, – заявляет наконец. – Никогда не видела.

– В таком случае... – неожиданно вступает Маришка. – Почему у вас такое лицо?

– Какое? – в ужасе, уж не знаю, показном или искреннем, всплескивает руками старушка. Всплеск остается незавершенным: ладони тянутся к щекам – потрогать, убедиться, – но останавливаются на полпути.

– Синее! – объявляет Маришка, и в голосе ее я слышу ликование, переходящее в триумф. И злорадство, почти переходящее в мстительность. И еще – капельку – облегчение, природу которого я пойму позже: я не одна такая, мне не показалось, я не сошла с ума...

Старушка в трансе рассматривает свои ладони. Как гипнотизер, который собирался усыпить публику в зале, но по ошибке махнул рукой не в ту сторону. Неверный пасс.

Пашка – в ступоре. Не знаю, чему его там учили наставники «по экономической части», но когда подозреваемый во время допроса синее... Нет, к такому повороту событий Пал Михалыч явно готов не был.

Только я смотрю на происходящее с любопытством, во все глаза, стараюсь не пропустить ни единой стадии таинственного процесса, который совершенно упустил из виду накануне. Вот как, оказывается, это происходит...

В первый момент вы просто ничего не замечаете. Маришка, молодец, углядела почти самое начало, потому что дога-

дывалась, наверное, ждала, а то и надеялась... Просто кожа на всем теле приобретает едва различимый синеватый оттенок. Не идет синими пятнами, не покрывается синевой сверху-вниз или, допустим, снизу-вверх, как промокашка, на которую капнули чернилами, а просто становится светло-синей – вся, одновременно и равномерно. Потом постепенно темнеет. Это кожа. С волосами все тоньше. Они начинают менять цвет от корней, синева распространяется по ним, как кровь по капиллярам. Последними меняются глаза. Они как будто *заливаются* подкрашенной жидкостью, белки начинают голубеть от границ к центру, затем радужка приобретает какой-то неопределенный цвет, последними *тонут*, растворяются в синеве зрачки.

Завораживающее зрелище! Очень увлекает... если, конечно, происходит с кем-то посторонним.

– Гхы... – Пашка издает жалкий горловой звук. – Вы, это самое, ну, пили чай?

– Чай! – кричит в истерике старушка и выходит из транса. Прямо таки выбегает...

В Пашке срабатывает инстинкт следователя с приставкой «пре».

– Остановитесь! – кричит он, лихо запрыгивает на сцену и, миновав ее наискось, врывается плечом в маленькую дверь. Поздно! Заперто. Стучит по двери кулаком. – Открой-те!

– Уйди-ите! – плаксиво доносится с той стороны. – Христа

ради, уйдите! Не пила я никакого чая!..

– Откройте! – в растерянности повторяет Пашка – и только приглушенные всхлипывания в ответ. Оборачивается к нам, медленно бредет к краю сцены. Если бы я с таким видом подходил к краю, допустим, платформы в метро, меня давно бы уже остановила дежурная по станции или какой-нибудь бдительный сотрудник милиции. Пашку останавливать некому, он и сам в некотором роде милиционер.

Но неужели же и у меня вчера вечером на мосту была такая же физиономия?!

– Смотри, не грохнись, – предупреждает Маришка, когда Пашка, не заметив, что сцена кончилась, пытается продолжить путь по воздуху. А я протягиваю ему руку, помогаю спуститься, спрашиваю:

– Ну, теперь поверил?

– Ч-чему?

– Тому, что каждому да воздастся по грехам его. Причем, похоже, скорее, чем мы думали.

– Ерунда. Нормальная реакция на какой-нибудь аллерген. Вернее, не нормальная а... эт самое, аллергическая. Через полчаса все пройдет. Было бы время – сам бы проверил.

– Реакция-то нормальная, но почему цвета разные? Вчера-фиолетовый, сегодня – синий.

– А он, значит, был... – Пашка косит глазами на дверцу позади сцены, – с-синий? А мне показалось, ну, эт самое...

– Разве менты не дальтоники? – вздыхает Маришка.

Я морщусь: сколько раз можно повторять: Пашка – не мент! И слышать в ответ: «Да? А кто тогда? Красавец, умница, душа компании?!!»

Пашка тоже морщится и от этого привычного действия немного приходит в себя.

– Чушь! – убеждает он и лезет во внутренний карман за пакетиком-склейкой, где надежно, как в сейфе, хранится весь наш немногочисленный «вещдок» – рюмка с отпечатками и календарик-закладка. Сбившись в кучку, рассматриваем закладку.

Синий цвет – «ложь, лжесвидетельство».

Перевожу на Пашку полный снисхождения, даже *переполненный* – еще чуть-чуть и плеснет через край! – взгляд. Ну, что, съел?

Вот так вчерашние скептики, столкнувшись с чужим обидным неверием и проникнувшись желанием переубедить любой ценой, лишь бы стереть с лица это выражение спесивого всезнайства, забывают о собственном скептицизме и становятся носителями... если не апологетами идеи.

Пашка молчит и глаз не поднимает. Беззвучно шевелит губами. Пережевывает.

– В общем, эт самое... телефоны администратора я списал, – во второй раз, сам того не замечая, повторяет Пашка, весь какой-то усталый, взъерошенный и как бы уже никуда не спешащий. – Буду позванивать в течение дня. Если, значит, что узнаю...

– Ага, – киваю и распахиваю перед Пашкой дверцу с водительской стороны. А то он в таком состоянии – сам не догадается. – Если узнаешь, сразу же звони.

– Позвоню... – Пашка начинает садиться в машину, забирается в нее по пояс и тут внезапно передумывает, лезет обратно. Разводит на груди лацканы пиджака, как будто хочет снять его, не расстегивая, оттягивает в одну сторону галстук, а в другую устремляет вздернутый младенческий подбородок и весь подается ко мне.

– Посмотри, – сдавленно цедит сквозь сведенные челюсти. – У меня с рубашкой все в порядке?

Нашел время беспокоиться о внешнем виде! Или у них в конторе все настолько серьезно: за опоздание на стрелку сразу того? Даже переодеться не успеешь...

– С психикой у тебя не все в порядке, – беззлобно, по-дружески подтруниваю. – С такой рожей, как твоя, костюм на имидж уже не влияет.

– Дурак! – фыркает он, также по-дружески. – Я спрашиваю, на воротничке никаких следов не осталось? Помады там...

– Не обнаружено, – докладываю после внимательного осмотра.

– Вот и отлично, – роняет Павел и головой вперед ныряет в раскрытую дверцу машины.

И только когда «БМВ» трогается с места, я спрашиваю себя: эээ... какой еще помады? А даже если помады – от кого

ему шифроваться? От родителей?

Это Пашке-то!.. Кличка на первом курсе «девственник», на втором – «девственник во втором поколении» и так далее... Вместе с дипломом получил бессрочное: «вечный девственник».

«Нет, ну это же надо, – поражаюсь в очередной раз, спеша к ожидающей меня у выхода Маришке, – до чего все-таки профессия меняет человека!...»

И СНОВА СЕДЬМОЙ. ФИОЛЕТОВЫЙ

Нет, что ни говорите, есть все-таки определенная прелесть в работе вольного дизайнера. И не одна! Тут тебе и свободный график, а при желании и вовсе никакого графика, и сам себе голова, и никаких идиотских пожеланий по поводу твоего внешнего вида и формы одежды. А главное – не требуется личного общения. Ни с кем! Даже с заказчиками я предпочитаю вести переговоры не по телефону, а по электронной почте. Так они кажутся мне более приятными собеседниками. Даже когда отказываются после выполнения заказа от своих обязательств.

И это, увы, неизбежный пока риск. Я еще не настолько хорошо известен в среде потенциальной клиентуры, чтобы настаивать на предоплате. Но в то же время и не какой-нибудь Вася Пупкин из глухого подмосковного Дивовска, готовый лабать по сайту в день в обмен на пустые обещания, а то и из голого энтузиазма. Я занимаю промежуточное положение в неписаной иерархии вольных дизайнеров – всегда требую от заказчиков аванс. И не начинаю работы, пока в моем электронном кошельке не зазвенят их виртуальные деньги.

Словом, не работа, а настоящий рай для независимого и ленивого интроверта.

Правда, то, чем приходится заниматься... Да, это немного не то, о чем мечталось в ранней юности, чего алчет вполне деятельный еще мозг и жаждут неугомонные пальцы. Но что поделаешь, если вольные программисты никому не нужны?

А невольные... Их норовят запереть в душном или, наоборот, насквозь прокондиционированном офисе, приковать к раб. месту, и заставить бездумно стучать по клавишам с 8 до 18-ти. Или с 12 до 22-х. Или в любое другое время. Словом, именно тогда, когда мне это особенно неудобно.

Нет, не подумайте, я тоже пробовал устроиться в «нормальную» фирму, сразу после диплома... как, пожалуй, и все мои однокурсники, кроме, разве что, Пашки... Некоторые, кстати, до сих пор работают – ходят в белых рубашечках и бреются каждое утро операторы в банке; называют ящик пива «биби» (box of beer) и бреются каждое утро программеры в московских представительствах иностранных фирм; мечтают несбыточно о заграничных курортах и бреются каждое утро кодировщики в ФАПСИ... (Хм... Самому, что ли, побриться?..) И многие выглядят вполне довольными жизнью.

Только когда встретишь такого случайно где-нибудь в центре и спросишь за кружкой пива: «А на работе что нового?», он в ответ скорчит такую гримасу, что лучше бы и не спрашивал.

А может быть, это только мне так не повезло. В конторе, куда я обратился по объявлению, у офис-менеджера наблюдался явный сдвиг по фазе на почве соблюдения трудовой

дисциплины. Несильный сдвиг, не больше, чем у синуса по отношению к косинусу. У него, кстати, и кличка была соответствующая: «Пи-пополам». Или, если уж в конец озверееет, просто «Пи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.